

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

С НЕСЧАСТНЫМ РАЗДЕЛИТЬ КРАЮХУ СЛОВА...

ШТОРМ

Как будто не было беды,
Ни в прах развеянной мечты,
Ни радости, ни горя, —
Преодолев земное зло,
Косноязычно-тяжело
В лицо дохнуло море.

Далёко, на краю земли,
Трепещет в штормовой дали
Теряющийся парус.
Медлительно — за валом вал —
Из бездны мировой восстал
Освобождённый хаос.

В восставшей — до небес — стене,
В слепом восторге, — что же мне
В том рухнувшем полёте? —
От мировой гнетущей лжи
Освобождение души,
Освобожденье плоти?..

КОНОВСКОЙ Николай Иванович родился в селе Варваровка Алексеевского района Белгородской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Автор книг "Равнина", "Твердь", "Зрак", "Врата вечности", подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

О море, море!.. Искони
Темны недвижные дни
С пророческою скорбью,
И вечны, как простор и шум —
Снов нескончаемых и дум
Гудящее подобье.

* * *

...Вновь посетил
Я родину, как край изгнанья тот,
С чьим правнуком в немыслимые дни
Мне довелось přátельствовать. Что ж
Невесело свиданье, да и как
Веселью предаваться в век, когда
Живую плоть и кровь страны отцов —
Изрезали границы, как овраги,
Край этот, и бездонней, и черней
Провалы эти, и который год
Себе в них ветер не находит места. Я
Как ощупью при ярком свете дня
Здесь прохожу: всё то же, да не то —
Холмы, курганы, выжженная степь,
Где в потаённом сумраке лощин
Я пас скотину в детстве давнем, но
Родился, да не пригодился: там
Вдали, внизу, глубоко, за селом,
Иль слободой, как ранее писали,
Должны быть воды Чёрной Калитвы;
Они текут ещё, текут, но жизнь
Из них, как из живой души, уходит...

В воспоминаниях явственней, чем в яви,
В железном, душном мраке городов
Предстанет это: незакатный день,
И дальний, долгий колокола звон
На колокольне в честь святой Варвары
Великомученицы, “мова” земляков,
И слёзы бедной матери, и там,
На взгорье каменистом, где почил
Отец, — прадедовский, заросший
Погост, где наскитавшись вволю,
Я, может, лягу...

* * *

И многдумным деревом в лесу
Ты ощутишь себя,
Когда в толпе
Спешащей городской
Вдруг, наугад —
Касанье рук, движенье губ и глаз
Ты ощутишь,
Как гул надмирный леса...

И от родства,
И от судьбы-беды
Утешиться легко

Чужим весельем,
Свою-чужую
Вытереть слезу,
С несчастным разделить
Краюху слова...

МОЛИТВА

Историю мне эту в назиданье
В паломничестве давнем рассказали
Давным-давно, когда ещё была
Врагом не разделённая Россия,
Преемница Святой Руси, Рим Третий,
Ушедший в тюрьмы, лагеря, в изгнание,
В предания, легенды, в тихий свет,
Как дивный плат, простёртый над кладбищем.

В Печёрах псковских как-то к Иоанну
Крестьянкину один простец безвестный —
Такого же безвестного прихода
Священник, уж годами измождённый, —
С молитвою пришёл, чтобы озвучить
Всё выстраданное грешной жизнью это:
“Прости мя, Боже, ни за что”. Что думал
Смиренный Иоанн, что знал и видел
В душе людской — кто ведаёт, но только:
“Хорошая молитва”, — молвил старец.

В раздорах, в суете, в житейской смуте,
В грехопаденьях тяжких, в пустоте
Недвижимого дня пережитого,
В клонящихся к концу летах, — подчас
Молитва вспоминается мне эта, —
Как будто бы нечаянное что-то
Мрак освещает, согревает сердце,
Даёт надежду...

ОБНАЖЁННОСТЬ

Безбрежный, немислимый взору простор,
В дали бронзовеющий, выступы гор,
И молнии чаек,
Да эта бегущая в вечность вода,
Как при сотворении мира, тогда,
При самом Начале.

Забывтый, затерянный нищенский вид,
Душа встрепенётся, волна набежит,
Громова вздыхая...
Как Ева-праматерь невинно, во сне,
У кромки прибоя ногами к волне
Лежала, нагая.

И были ей жгучая вещность песков,
И в ветре змеиная мудрость веков
Преддверием рая.
И море в неё изумрудным огнём,
Разлитою негой, безоблачным днём
Входило, играя.